

УДК 94(47).08

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-3-18-30

Пенской В. В.

«МЫ ОТСТАЛИ ОТ ПЕРЕДОВЫХ СТРАН НА 50-100 ЛЕТ. МЫ ДОЛЖНЫ ПРОБЕЖАТЬ ЭТО РАССТОЯНИЕ В ДЕСЯТЬ ЛЕТ. ЛИБО МЫ ЭТО СДЕЛАЕМ, ЛИБО НАС СОМНУТ...»

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой историческое размышление, в котором Октябрьская революция 1917 г. в России рассматривается через призму концепции Э. Тоффлера о смене «волн» в развитии человеческой цивилизации. Автор исходит из того, что в середине XIX в. Российская империя оказалась перед необходимостью сменить аграрный в своей основе технологический уклад «первой волны» на индустриальный уклад «второй волны». Однако последние императоры династии Романовых не сумели решить эту задачу, несмотря на то, что необходимость серьезных реформ была хорошо осознана на русском политическом Олимпе. Об этом свидетельствуют приводимые автором статьи выдержки из докладов и меморандумов, которые ложились на стол последнему русскому императору Николаю II. Автор выдвигает тезис, согласно которому эту историческую задачу трансформации в конечном итоге решила малочисленная партия большевиков, которая, в отличие от предшественников, не побоялась взять на себя ответственность за крутые и решительные, сопряженные с немалыми жертвами, перемены.

Ключевые слова: Российская империя; Октябрьская революция; модернизация.

V. V. Penskoj

"WE ARE FIFTY OR A HUNDRED YEARS BEHIND THE ADVANCED COUNTRIES. WE MUST MAKE GOOD THIS DISTANCE IN TEN YEARS. EITHER WE DO IT, OR THEY WILL CRUSH US..."

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, penskoy@bsu.edu.ru

Abstract. This article is a historical essay in which the October Revolution of 1917 in Russia is viewed through the prism of the concept of A. Toffler about changing "waves" in the development of human civilization. The author believes that in the mid-nineteenth century, the Russian Empire faced the need to replace the agrarian in its basis technological structure of the "first wave" by the technological structure of the "second wave". However, the last emperors of the Romanov dynasty emperors failed to solve this problem, despite the fact that the need for major reforms was well understood in the Russian political Olympus. This is evidenced by the excerpts from the reports and memorandums quoted by the author, which were laid on the table to the last Russian Emperor Nicholas II. The author puts forward the thesis according to which this historical transformation problem was eventually decided by a small Bolshevik party, which, unlike its predecessors, was not afraid to take responsibility for the steep and decisive changes, that were accompanied by considerable sacrifices.

Key words: the Russian Empire; the October Revolution; modernization.

Мы не случайно вынесли эти слова в заголовок нашего исторического эссе, посвященного столетию Великого Октября (без всякого преувеличения великого, ибо по своему значению и воздействию на последующее развитие человечества революционные события в России 1917 г. имеют не много аналогов в мировой истории). Сегодня к этим словам Сталина, равно как и к его фразе из той же речи, произнесенной на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в феврале 1931 г. (той самой, в которой генеральный секретарь заявил: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. <...> История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. <...> Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно»), принято относиться снисходительно, если не полупрезрительно – что там мог сказать такого важного недоучившийся семинарист? При этом те, кто презрительно отмахиваются от этих слов будущего «вождя народов», забывают о том, что было сказано затем – а завершение фразы звучит более чем актуально в свете того, что «конец истории» так и не случился: «Закон эксплуататоров – бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб – значит ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч – значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться» [7].

К этим словам Сталина можно относиться по-разному, но стоит обратить внимание на то, что генеральный секретарь ЦК ВКП (б) не первый, кто говорил об этом, и не первый, кто поставил задачу «догнать и перегнать» в кратчайшие сроки передовые страны Запада. У него были предшественники, изъяснявшиеся в том же ключе и предлагавшие схожие шаги, однако не преуспевшие на этом поприще. Но, прежде чем ответить на вопрос, кто же они, эти предшественники, немного философии истории.

В 1980 г. американский журналист, философ и культуролог Э. Тоффлер опубликовал нашумевшую книгу «Третья волна», в которой дал любопытную периодизацию развития человеческой цивилизации. В ее истории он выделил три «волны», три технологи-

ческих «уклада» – аграрный («первая волна»), «индустриальный» («вторая волна») и постиндустриальный («третья волна»). «Первая волна», зародившись в глубокой древности (по сути, она стала результатом пресловутой неолитической революции), более или менее благополучно докатилась до Нового времени, когда в ряде стран Запада (прежде всего в Англии) началась промышленная революция, породившая «вторую волну». Переход к индустриальному укладу и соответствующая перестройка политических, социальных, экономических и иных отношений обусловила переход к тем странам Запада, которые первыми преуспели на этом поприще, глобального политического лидерства, которое подкреплялось успешной военной, экономической и, что немаловажно, культурной экспансией. Те страны, которые не спешили с этой трансформацией, серьезно рисковали. Из субъектов мировой политики и экономики (складывающегося мирового рынка) они могли (и по большей части так и случилось) превратиться в объекты, за счет которых передовые государства, и тем паче великие державы, величие которых основывалось в первую очередь на их современной индустрии, решали бы свои проблемы.

Своего рода «осевым временем» для принятия решения о переходе ко «второй волне» стала середина XIX в. К этому времени Великобритания, первая вставшая на путь перемен, уже прошла большую часть трансформации в общество «второй волны», превратившись в «мастерскую мира», крупнейший финансовый центр и единственную на тот момент сверхдержаву, обладавшую колоссальным политическим весом и влиянием. За Британией подтягивалась Франция, стремившаяся не отстать от своего старого противника. Лондону и Парижу уже давно было тесно в Европе, и они давно встали на путь заморской экспансии, но с середины XIX в. их колониальная политика постепенно набирает новые обороты. Целый ряд государств, столкнувшись с англо-французским вызовом и убедившись в невозможности противостоять напору «заморских чертей», всерьез задумались о необходимости радикальной модернизации и вестернизации, которые неиз-

бежно должны были в случае успеха содействовать переходу с примитивного, архаичного технологического уклада «первой волны» на более современный и динамичный технологический уклад «второй волны».

Если вести дальше разговор о модернизации и переходе от «первой» ко «второй волне», то в этом плане весьма показателен пример двух азиатских государств, двух империй, Японии и Китая. К началу 40-х гг. XIX в. цинский Китай пока еще оставался крупнейшим государством мира с экономикой, которая в количественном исчислении также пока еще оставалась первой в мире. Однако политический вес и влияние Китая были ничтожны, и связано это было с тем, что цинская правящая верхушка, исходившая из принципа самодостаточности «Поднебесной», отнюдь не стремилась к серьезной внешней экспансии, предпочитая ей режим самоизоляции. «Опиумные» войны и последовавшая за ней трагедия тайпинского движения, подавление которого стоило Китаю десятки миллионов жизней и колоссальных разрушений, наглядно показали всю ущербность и опасность дальнейшего продолжения прежней политики «окукливания», а вместе с тем и те преимущества, которые дает обладание новейшими западными технологиями – в первую очередь промышленными и военными. С 60-х гг. XIX в. цинские власти приступили к модернизации армии и флота (в особенности последнего), причем эта модернизация сопровождалась и созданием соответствующей промышленной инфраструктуры и кадров. Однако особенности политического развития Китая в послесмутное время не позволили удержать набранные первоначально темпы. К примеру, если в 1886 г. внушительная демонстрация мощи северного, Бэйянско-го, флота вызвала серьезные опасения и в Петербурге, и в Токио, то не прошло и десяти лет, как Китай потерпел жестокое поражение в японо-китайской войне 1894-1895 гг. Эта неудача имела трагические для Китая последствия – страна надолго стала объектом манипуляций со стороны великих держав, и раздираемой внутренними и внешними проблемами «Поднебесной» стало, естественно, не до модернизации.

Для Японии толчком для начала модернизации стал приход «черных кораблей» commodора Перри, ну а после пресловутой «революции Мэйдзи» и войны Босин в 1867–1869 гг. модернизация пошла семимильными шагами. Война с Китаем в 1894-1895 гг. стала первым серьезным испытанием для обновленной Японии, а русско-японская война 1904-1905 гг. – ее заявкой на вхождение в клуб великих держав, окончательно удовлетворенной по итогам Вашингтонской конференции 1921 г. По существу, именно с этого времени можно говорить о том, что Япония практически завершила процесс перехода к индустриальному технологическому укладу (во всяком случае, именно он играл в экономике Японии ведущую, определяющую роль).

А что же Россия? Россия, как и Япония и Китай, в середине XIX в. также столкнулась с необходимостью приступить к модернизации – точнее, к новому ее витку, ибо первый ее этап был связан с деятельностью Петра I. Правда, предпринятая им европеизация носила, увы, наносной, поверхностный характер – внешне эффективная, но не эффективная, поскольку она не создала механизмы внутреннего обновления и перезапуска при необходимости нового витка модернизации, имевшая ограниченный во времени эффект. «Поднятая на дыбы» императором-преобразователем Россия представляла собой этакую Индию, управляемую Ост-Индской компанией – европеизированное меньшинство и соответствующий ему сектор экономики (промышленность и внешняя торговля), и архаичное большинство, сельская глубинка, живущая по старинке, с крайне отсталой, примитивной и малопродуктивной аграрной экономикой. И разрыв между двумя этими обществами и экономиками не только не уменьшался со временем, а только увеличивался. К началу XIX в. инерция толчка, приданного России петровскими преобразованиями, иссякла, и необходимость нового витка модернизации стала очевидной.

Нельзя сказать, что в правящей элите России наиболее дальновидные ее представители не осознавали этой проблемы; в их числе был, как это ни покажется парадоксальным, и сам император Николай I. Однако в

силу разных причин ускорить переход на новый путь не удалось – русское общество (во всяком случае, наиболее влиятельная в политическом и экономическом отношении его часть) не было готово к столь радикальным переменам, а фигуры, подобной Петру I, в николаевской России не нашлось. И когда в начале 50-х гг. XIX в. обострился пресловутый «восточный вопрос», России пришлось иметь дело с двумя державами, которые существенно продвинулись вперед по пути трансформации в страны «второй волны» – Британией и Францией. Неудачное завершение Крымской войны поставило правящую верхушку Российской империи перед необходимостью ускоренно перейти на новый технологический уклад с тем, чтобы остаться в числе великих держав и субъектов зарождавшейся *Weltpolitik*.

К сожалению, перезапуск модернизации не состоялся – преемник Николая I на российском престоле, император Александр II, оказался еще менее достоин роли великого реформатора, нежели его отец (который, кстати, подготовил все необходимые условия для «великих реформ»), и уж тем более Петр Великий. Безусловно, реформы, осуществленные в 60-х – начале 70-х гг. XIX в., по праву могут считаться «великими», однако, будучи компромиссными, половинчатыми и недостаточно последовательными, они не смогли придать необходимое ускорение политическому и, что самое главное, социально-экономическому развитию России. Более того, допущенные властью просчеты только усугубили разрыв между Россией и ведущими державами. Четверть века были потрачены если не впустую, то, во всяком случае, недостаточно эффективно, переход от одного технологического уклада к другому, более передовому и прогрессивному, не состоялся и фактически был отложен. Ситуация же в мире стремительно продолжала меняться – к странам, вставшим на путь перехода ко «второй волне», присоединились САСШ, где после победы Севера над Югом были сняты последние препоны на пути безудержного развития капитализма, и новообразованная Германская империя (сполна воспользовавшаяся результатами победы над Францией в фран-

ко-прусской войне 1870-1871 гг.), и даже Италия, которая наконец-то обрела единство и сделал заявку на вхождение в круг если не великих, то, во всяком случае, влиятельных держав.

При анализе событий 80-х – начала 90-х гг. XIX в. складывается впечатление, что в Петербурге в начале 80-х гг. наконец-то осознали, чем чревато дальнейшее промедление с модернизацией и всерьез занялись вопросами экономического развития. Здесь самое время вспомнить фразу, которую написал тогда русский философ Н. Я. Данилевский. «Невежественный, чисто земледельческий Рим, вступив в борьбу с торговым, промышленным и несравненно его просвещеннейшим Карфагеном, – отмечал он, – мог, с единственной помощью патриотизма и преданности общему благу, с самого начала победоносно сразиться с ним даже на море, составлявшем до того времени совершенно чуждый Риму элемент...» [3, с. 441]. Однако с тех времен, продолжал Данилевский, условия ведения войны радикально переменились, и «уже в начале XVII века и даже ранее *никакая преданность отечеству, никакой патриотизм не могли уже заменить собой тех технических усовершенствований, которые сделали из кораблестроения, мореплавания, артиллерии, фортификации и т.д. настоящие науки* (курсив мой. – В. П.), и притом весьма сложные» [3, с. 441]. Следовательно, завершал свою мысль философ, «потребности государственной обороны, сделавшись столь сложными, по необходимости требовали для своей успешности особого класса людей, всецело преданных военным целям; содержание же этого многочисленного класса требовало столько издержек, что, без усиленного развития промышленности, у государства не хватило бы средств для его содержания» [3, с. 441]. Примерно о том же говорил тогда же и немодный ныне классик: «Ничто так не зависит от экономических условий, – писал Ф. Энгельс, – как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не “свободное творчество ума” гениальных полководцев действо-

вало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам...» [9, с. 171].

Вряд ли, конечно, император Александр III читал эти слова, однако, обладая, по словам близко его знавшего С.Ю. Витте, «громдным, выдающимся умом сердца», умом, «присутствие которого часто, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять, несравненно важнее ума рассудка» [2, с. 265], он дал свободу рук министрам финансов Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградскому и С.Ю. Витте. Их деятельность (особенно последнего) способствовала финансовой стабилизации Российской империи и интенсификации роста русской экономики, в особенности промышленности и инфраструктуры. За десять лет с 1891 по 1900 гг., как отмечали отечественные историки А. П. Корелин и С. А. Степанов, промышленное производство в России удвоилось, а доля страны в мировом промышленном производстве поднялась на треть – с 4 % в 1870 г. до 6 % спустя 30 лет [см. 5, с. 57-58]. Наметились подвижки в социальной сфере, рос удельный вес городского населения, и даже в культурной области можно вести речь о начале своего рода если не революции, то перелома – тот же Витте весьма ретиво занялся подготовкой кадров для растущей русской промышленности и транспорта, всемерно содействуя открытию всё новых и новых высших и средних специальных политехнических учреждений.

Как же получилось так, что как будто динамично развивавшаяся в конце XIX в. и безусловно входившая в число великих держав Российская империя спустя три десятка лет оказалась в ситуации, когда нужен был срочный рыбок? Почему тенденции, заложенные при императоре Александре II и в начале царствования его сына, не получили развития? Почему она не сумела выстоять в гонимой Первой мировой войны? Ведь не секрет, что сегодня общественному мнению усилен-

но навязывается точка зрения, согласно которой старая царская Россия накануне войны была динамичным, успешно развивавшимся государством, и естественный ход событий лет этак через двадцать чуть ли не сделал бы ее гегемоном как минимум в Евразии, если бы не известные события 1917 г. При этом сторонники и апологеты «серебряного века» в русской истории делают упор на небывалые показатели экономического роста (в особенности в промышленной сфере), на устойчивость русской валюты, на растущую внешнюю торговлю и прочие символы успеха. С этим трудно поспорить – действительно, как показано выше, успехи были налицо, равно как и положительная динамика. Но вся эта благостная картина была лишь одной стороной медали, а была и другая ее сторона.

Чтобы понять причины провала, стоит обратиться к всеподданнейшему докладу министра финансов Российской империи С.Ю. Витте, который был представлен императору Николаю II в феврале 1900 г. Царский сановник, человек сведущий и знающий предмет, подытоживая результаты экономического развития империи в предыдущие годы, отмечал в своем докладе, что «по быстроте и силе этого (промышленного – В. П.) роста Россия стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств, и не подлежит сомнению, что страна, которая оказалась в состоянии в два десятилетия более чем утроить свою горную и фабрично-заводскую промышленность, таит в себе богатый запас внутренних сил для дальнейшего развития...» [1, с. 131-132].

Но, указав на успехи, министр финансов с тревогой отмечал тот факт, что все эти успехи, по его мнению, покоились на весьма шатком основании. «Несмотря на происшедший быстрый рост фабрично-заводского дела за последние десятилетия, благосостояние населения продолжает зиждиться преимущественно на земледельческом промысле» [1, с. 132], указывал он, а «большинство населения находит заработок преимущественно в земледельческих работах, ограниченных по климатическим условиям сравнительно коротким периодом, вследствие чего народный труд не получает полного испол-

зования» [1, с. 132–133]. И когда «горные и фабричные продукты предлагаются на рынке в ограниченном количестве, цены на них поэтому стоят относительно высокие, вследствие чего и потребление их, поневоле, ограниченное», а «внешняя торговля питается, главным образом, продажей за границу сырых произведений, не представляющей больших выгод вообще, и, главное, всецело подверженной стихийным влияниям изменчивых метеорологических условий» [1, с. 133], то при таких обстоятельствах «благосостояние населения не может быть ни высоким, ни устойчивым» [1, с. 133]. Потому-то, считал Витте, сохранение такого положения несло в перспективе серьезные угрозы, ибо «при сложившемся ныне строе политических и экономических международных отношений земледельческая страна, не имеющая своей собственной промышленности, достаточно развитой, чтобы удовлетворять главным потребностям населения продуктами отечественного труда, не может почитать свою мощь непоколебимой; без своей собственной промышленности она не может достигнуть настоящей экономической независимости, а опыт всех народов наглядно показывает, что только хозяйственно самостоятельные народы оказываются в силе проявлять в полной мере и свое политическое могущество» [1, с. 133]. Примером тому могут служить, с одной стороны Великобритания, Германия и Соединенные Штаты, которые, как указывал министр финансов, «прежде чем стать влиятельными державами в международной политике, напряженными усилиями и всесторонней системой мероприятий насаждали и развивали у себя промышленность» [1, с. 133]. Напротив, их антиподами могли считаться Китай (напомним, что еще вначале 80-х гг. XIX в., немногим менее 20 лет до того, как был подготовлен этот доклад, в Петербурге всерьез опасались вставшего на путь модернизации цинского Китая – В. П.), Индия, Турция, Персия, Южная Америка, которые «в такой же мере политически немощны, в какой экономически зависимы от иностранной промышленности» [1, с. 133].

Свои рассуждения Витте подытоживал следующим образом. «В настоящее время по-

литическое могущество великих государств, призванных выполнять исторические задачи, создается столько же духовными силами народа, сколько и его экономическим строем, и даже боевая готовность страны определяется не одним уровнем ее военной организации, но и степенью развития ее промышленности» [1, с. 133]. Аграрный по преимуществу характер русской экономики не может считаться удовлетворительным и соответствующим статусу Российской империи как великой державы, полагал Витте: «Россия с ее огромным разноплеменным населением, с ее сложными историческими задачами в международной политике, с ее разнообразными внутренними интересами, может быть, более, чем какое-либо другое государство, нуждается в том, чтобы национальное политическое и культурное здание имело под собой надлежащую экономическую почву, чтобы империя вашего величества была великой не только политической и земледельческой, но и промышленной державой» [1, с. 133]. И самое важное, самое главное, что следовало из этих тезисов – «было бы роковой исторической ошибкой предполагать, что с удовлетворением этой народной потребности в создании широкой и разнообразной промышленности можно медлить. *Международное соперничество не ждет* (курсив мой. – В.П.) ...» [1, с. 133].

Какие выводы были сделаны из этого доклада? Судя по тому, что написал спустя 14 лет в своем меморандуме, адресованном Николаю II, бывший министр внутренних дел при Витте П.Н. Дурново – никаких. Обратимся к этому примечательному документу (примечательному настолько, что есть мнение относительно его апокрифичности) и приведем несколько цитат, относящихся к нашей проблеме.

В своем меморандуме П.Н. Дурново указывал на «недостаточность наших военных запасов, что, конечно, не может быть поставлено в вину военному ведомству, так как намеченные заготовительные планы далеко еще не выполнены полностью из-за малой производительности наших заводов» [4, с. 188], причем эта «недостаточность огневых запасов имеет тем большее значение,

что, при зачаточном состоянии нашей промышленности, мы во время войны не будем иметь возможности домашними средствами восполнить выяснившиеся недохваты» [4, с. 188], тогда как «с закрытием для нас как Балтийского, так и Черного морей, – ввоз недостающих нам предметов обороны из-за границы окажется невозможным» [4, с. 189]. Кроме того, Дурново отмечал, что «неблагоприятным для нашей обороны обстоятельством является вообще чрезмерная ее зависимость от иностранной промышленности, что, в связи с отмеченным уже прекращением сколько-нибудь удобных заграничных сообщений, создаст ряд трудноодолимых затруднений» [4, с. 189]. Не было для него секретом и неудовлетворительное состояние русских железных дорог, поскольку они «обладают подвижным составом, быть может, достаточным для нормального движения, но не соответствующим тем колоссальным требованиям, которые будут предъявлены к нам в случае европейской войны» [4, с. 189]. И самый главный вывод – «в предстоящей войне будут бороться наиболее культурные, технически развитые нации. Всякая война неизменно сопровождалась доселе новым словом в области военной техники, а техническая отсталость нашей промышленности не создает благоприятных условий для усвоения нами новых изобретений» [4, с. 189].

И еще одна чрезвычайно любопытная мысль Дурново, касающаяся перспектив послевоенного устройства мира и места в нем России. Он указывал, что «последствием этой войны окажется такое экономическое положение, перед которым гнет германского капитала покажется легким» [4, с. 194], поскольку «не подлежит сомнению, что война потребует расходов, превышающих ограниченные финансовые ресурсы России» [4, с. 194]. И если прежде экономический рост России основывался на активном привлечении иностранных инвестиций, то сейчас «придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром» [4, с. 194]. Закончится это плохо для России в любом случае. «Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учету, ни даже предвидению и,

без сомнения, – писал Дурново, – отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства» [4, с. 194]; но и победа не сулила ничего хорошего, так как «вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки» [4, с. 194], ибо «продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы (забегая вперед, отметим, что именно в таком положении оказалась Франция после победы над Германией – *В.П.*)...» [4, с. 194–195]. «То небольшое, – продолжал сановник, – что, может быть, удастся с нее урвать, придется делить с союзниками, и на нашу долю придутся ничтожные, по сравнению с военными издержками, крохи» [4, с. 195], тогда как «военные займы придется платить не без нажима со стороны союзников. Ведь, после крушения германского могущества, мы уже более не будем им нужны» [4, с. 195]. Более того, предостерегал императора от опрометчивых решений Дурново, возросшая вследствие победы политическая наша мощь побудит их (союзников – *В.П.*) ослабить нас хотя бы экономически» [4, с. 195]. Как результат, предсказывал министр, «неизбежно, даже после победоносного окончания войны, мы попадем в такую же финансовую экономическую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой наша теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом» [4, с. 195].

И снова голос Кассандры не был услышан. Прошло чуть больше полутора лет, и в октябре 1916 г., в самый разгар Первой мировой войны, последней войны царской России, начальник Главного артиллерийского управления генерал А.А. Маниковский, талантливый организатор и администратор, направил военному министру генералу Д.С. Шуваеву записку, в которой обосновал необходимость срочного принятия масштабной программы строительства новых заводов.

Этот доклад представляет особый интерес, с одной стороны, в сравнении с основными тезисами доклада Витте, а с другой стороны – как яркий образец технократического, лишённого каких-либо сантиментов и

иллюзий, подхода к анализу текущей ситуации и условий, в которых предстояло действовать послевоенной России (неважно, будь она монархической, демократической или какой иной – при условии, конечно, что она сохранит себя как субъект мировой политики, *Weltpolitik*).

О чем же писал начальник ГАУ военному министру? Свой доклад он начал с констатации печального факта – «Настоящая война застала Россию неподготовленной во многих отношениях, но ни в одном эта неподготовленность не имела столь роковых последствий, как по части артиллерийского снабжения армии» [6]. Понятно, продолжал далее Маниковский, что эта неподготовленность была связана с неверной оценкой масштабов грядущей войны, сделанной на основе изучения опыта русско-японской войны, размах которой оказался существенно меньшим (хотя она столь же существенно превосходила все прежние войны, которые довелось прежде вести Российской империи), чем боевые действия уже на первом этапе Первой мировой войны. И тот факт, что союзники России оказались в столь же сложном положении, было малым утешением, тем более, что они сориентировались раньше, чем в Петрограде, и приняли соответствующие меры с соответствующими последствиями также раньше. И именно последствия беспокоили Маниковского в первую очередь, ибо, писал он, «цель настоящего доклада – указать лишь на последствия, происшедшие от неудовлетворительности этих заданий [«стратегических заданий по части боевого снабжения армии» – Маниковский], чтобы на основании этого горького опыта попытаться найти правильный путь не только для отдаленного будущего, но и для ближайшего настоящего» [6].

Когда неожиданно выяснилось, что расход технических средств ведения войны превысил все мыслимые и немыслимые расчеты, а своя слабая (по характеристике Маниковского) промышленность оказалась неспособна удовлетворить запросы фронта (ее мобилизация продвигалась с трудом и большим запозданием), «поневоле пришлось прибегнуть к самой крайней мере – к заказам за границей, главным образом в Америке и у

наших союзников Англии и Франции» [6]. Как результат – на промышленников Антанты и САСШ пролился буквально золотой дождь русских военных заказов, что обусловило и соответствующий итог – русскими деньгами была оплачена «генеральная мобилизация американской промышленности» [6] и «в меньшей степени, но всё же довольно значительной, мы сделали то же самое и для промышленности Англии, Франции и Японии» [6]. «В итоге, мы сознательно помогли и этим странам в столь трудном деле, – снова констатировал печальный факт начальник ГАУ, – как развитие военной промышленности» [6].

Как отмечал дальше Маниковский, учтя печальные уроки мобилизации русской промышленности в первые годы мировой войны, необходимо предпринять меры, чтобы подобное не повторилось впредь. «Ныне перед нами встает иная задача, – писал он, – важности необыкновенной: хоть теперь стать на правильный путь, т. е. во что бы то ни стало избавиться по части боевого снабжения от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия всё необходимое для себя получала бы у себя дома, внутри России (здесь и далее курсив Маниковского – В.П.) ...» [6].

Следующий тезис Маниковского заслуживает особого внимания. Он отмечает, что «при колоссальных, неисчерпаемых естественных богатствах России в этом нет ничего неосуществимого, и добиться этого можно и должно» [6], поскольку «совершенно неизвестно, когда кончится война и как сложатся обстоятельства не только после нее, но и в недалеком будущем, в отношении возможности беспрепятственного получения из-за границы предметов боевого снабжения... Без полной самостоятельности в этом отношении трудно остаться Великой Державой, несмотря ни на какие условия территории и внутренних богатств страны» [6]. Ну а раз так, необходимо уже сейчас озаботиться, невзирая ни на какие расходы и сложности, выполнением программы развития промышленности. И доводы, которые приводит начальник ГАУ в пользу этого предложения, более чем заслуживают внимания.

Отставим в сторону нужды текущего момента – и без того очевидно, что на войне не бывает много пушек и снарядов. Но дальше Маниковский совершенно справедливо замечает, что рассчитывать на продолжение поставок заказанного вооружения после войны было бы глупо, ибо «совершенно неизвестно, какова будет политическая конъюнктура по окончании войны, т. е. во время выработки условий мирного договора и в следующий затем период» [6]. «В конечном результате, каждый будет предоставлен своим собственным силам, и горе тому, у кого к этому времени не будут подготовлены свои средства» [6].

Не менее важным генералу представлялся и финансовый аспект вопроса. «Теперь, во время войны, – указывал он, – наши союзники дают нам и деньги (займы), и принимают наши заказы, благодаря финансовому соглашению, *по паритету*. Это им приходится делать, так как иначе мы воевать не можем» [6]. Но сохранится ли такое положение и после войны, задается вопросом Маниковский, и сам отвечает на него: «По отношению к будущему нельзя предаваться опасным иллюзиям и считать, что всё так сохранится и после войны. Напротив, более чем вероятно, что тогда заграничные займы для нас будут если не невозможны, то крайне обременительны, и уж наверное за заграничные заказы нам придется тогда платить не по паритету, *а в валюте*» [6].

Продвигая свою программу, начальник ГАУ принимал в расчет и другое важное соображение. «Почти всё наше боевое вооружение, находящееся ныне на фронтах, к концу войны придет в такое состояние, что потребуется или полная его замена, – писал он Шуваеву, – или столь капитальный ремонт, который возможен только на заводах с солидным специальным оборудованием» [6]. И это еще не всё, поскольку очевидной была и необходимость перевооружения армии в кратчайшие сроки более современным и совершенным оружием, которое, вне всякого сомнения, появится и будет опробовано в последний период войны, не говоря еще о создании новых мобилизационных запасов вза-

мен растраченных и исчерпанных в ходе боевых действий!

Для Маниковского как технократа и генерала было очевидным также и еще одно обстоятельство. «По окончании войны государственному казначейству предстоят колоссальные ассигнования на культурные потребности государства, – вполне обоснованно отмечал он, – *столь жестоко урезаемые в настоящее время*, и что более чем вероятно значительные сокращения во имя государственной экономии по сметам и военного ведомства, в частности, и по программе Главного артиллерийского управления. Тогда денег для новых заводов уже не дадут» [6]. В итоге, подводил черту генерал, «к новой войне Россия окажется отставшей от своих будущих противников еще в большей степени, чем теперь, так как эти противники уже успели так развить свою промышленность, что от них не потребуются впредь ни особых усилий, ни особых жертв» [6].

Анализируя доводы начальника ГАУ, мы бы поставили на первое место вот этот его тезис. «Надо ясно представить себе, – излагал свою мысль военному министру Маниковский, – что если не заложить прочного основания нашего военно-заводского строительства *теперь же*, то это, может, не удастся сделать и совсем, так как по окончании войны у нас явятся опаснейшие конкуренты за границу, успевшие уже за войну развить у себя до крайности военную промышленность. Не подлежит никакому сомнению, что *тотчас же по окончании войны начнется общая экономическая борьба, и эта борьба будет беспощадна* (курсив мой – В. П.)» [6]. Забегая вперед, отметим, что начальник ГАУ совершенно точно предугадал дальнейшее послевоенное развитие событий. Если Россия будет не готова к такому повороту событий, то «могучая техника и наших друзей, и наших врагов раздавит нашу всё еще слабую технику» [6] со всеми вытекающим отсюда печальными последствиями.

Насколько созвучны эти выводы Маниковского тезисам Витте и идеям доклада Дурново – можете судить сами. А ведь написаны они были спустя полтора десятилетия после того, как был составлен тревожный до-

клад Витте Николаю II. Выходит, что несмотря на то, что необходимость перехода русской экономики на новый технологический уклад была четко и недвусмысленно артикулирована еще в 1900 г., воз оставался фактически на том же месте. Драгоценное время было растрчено впустую, и Россия вступила в Первую мировую войну, не имея под ногами прочного экономического фундамента. Российская империя в начале XX вв. действительно являлась тем самым колоссом на глиняных ногах, внешне могучим, а на самом деле весьма уязвимым и неустойчивым. «Стена, да гнилая, ткни, и развалится!», – так, согласно легенде, отвечивал молодой студент Владимир Ульянов полицейскому чиновнику на вопрос, зачем он, столь многообещающий юноша, решил биться о стену самодержавия. В нашем случае неважно, говорил ли такие слова будущий «вождь мирового пролетариата» или же это типичный исторический анекдот. Важно другое – несмотря на четкое осознание необходимости серьезных перемен, они так и не произошли. Конечно, Первая русская революция (которая стала следствием промедления с реформами, которые чем больше откладывались, тем более радикальный характер принимали бы) вынудила Николая II предпринять определенные реформы, но, как и многое, что делалось на закате империи Романовых, их оказалось недостаточно и сделаны они были несвоевременно.

Как итог, накануне Первой мировой войны Российская империя по-прежнему представляла собой во многом наспех сшитое «лоскутное» государство, состоящее из территорий с разным уровнем политического, социального и культурного развития, с многоукладной экономикой и, подчеркнем еще раз, с колоссальным разрывом между тем «сектором» общества и государства, что был связан с индустриальным, «модерным» укладом, и основной массой населения, по-прежнему всецело принадлежавшего миру «первой волны». Конечно, если бы у России были пресловутые 20 лет мирного развития, о которых мечтал П.А. Столыпин, может быть, ей и удалось бы завершить переход к новому укладу. Но, говоря словами Витте, междуна-

родное соперничество, конкуренция и борьба великих держав не ждали. Время, которое История дала Романовым на завершение Модернизации и превращение России в современное, динамичное государство, истекло летом 1914 г.

Одним словом, наиболее трезвомыслящие администраторы «старого режима» прекрасно понимали, что какой бы великой ни была держава в прошлом или даже настоящим, если она продолжала придерживаться устаревшего технологического уклада (в нашем случае – «первой волны»), в грядущем столкновении с более передовыми государствами волны индустриальной она была обречена на поражение. И чтобы сохранить себя в качестве не объекта *Weltpolitik*, но субъекта, заставить других «партнеров» считаться с собой и со своими интересами, переход на новый технологический уровень становился настоятельной необходимостью. Витте и Дурново не смогли убедиться в точности своих прогнозов, а вот у Маниковского такая возможность была. То, о чем предупреждал начальник ГАУ осенью 1916 г., сбылось весной 1918 г., когда новая власть, взявшая на себя ответственность за происходящее на просторах рухнувшей в феврале 1917 г. империи, была вынуждена заключить с торжествующей Германией Брестский мир, заключенный на старом «добром» принципе *Vae victis*. Вот уж действительно – «слабых бьют». Оружие выпало из рук России, и Германия навязала побежденным действительно «похабный» во всех отношениях мир. При этом характерно, что сама по себе идея такого мира витала в германских правительственных и околоправительственных кругах с самого начала войны. Уже к осени 1914 г. там окончательно сформировалась идея «Срединной Европы». Как полагал один из ее «архитекторов», В. Ратенау, «только усиленная “Срединной Европой” Германия была бы в состоянии сохраниться как равноправная мировая держава между западными державами – Великобританией и США – и Россией» [8, с. 116].

Идея «Срединной Европы», которая, по существу, выступала бы в будущем своего рода европейской колониальной периферией

германской метрополии, в последующие годы шлифовалась и оттачивалась, и России в ней отводилась, скажем прямо, весьма незавидная роль. Предполагалось, что от России будут отторгнуты с образованием марионеточных «бантустанов» Украина, Прибалтика и Финляндия (а еще лучше, если бы и сама Великороссия оказалась в политическом плане раздробленной), не говоря уже о наложении на побежденных репараций и контрибуций в таком размере, чтобы обескровленная Россия долго не смогла бы помышлять о каком-либо реванше. И это было только начало, а дальше планы германского политического руководства и финансово-промышленной верхушки предполагали фактическое превращение России если не в колонию, то, во всяком случае, полуколонию. Пожалуй, наиболее конкретно цели Германии обозначил унтер-статс-секретарь германского внешнеполитического ведомства Х. Бусше-Хадденхаузен в мае 1918 г. – «русский транспорт, индустрия и всё народное хозяйство должны попасть под наш контроль. Надо обеспечить использование нами всего Востока (имелись в виду не только собственно Великороссия, но и Сибирь, и Центральная Азия – В. П.). Там следует искать выплаты по нашим военным займам...» [8, с. 567]. Установление экономического протектората над Великороссией и превращение ее в зону исключительного немецкого экономического и финансового влияния (а, следовательно, и протектората политического) должно было компенсировать германскому капиталу экономические и финансовые потери, которые были неизбежны при заключении мира с Антантой.

Не были безгрешны и союзники России. Согласно бумагам эмиссара американского президента В. Вильсона «полковника» Э. Хауза, обсуждая с ним в начале 1916 г. (sic! как раз вскоре после того, как русская армия закончила свое «великое отступление», и линия фронта на Востоке стабилизировалась – В. П.) условия возможного замирения в Европе, британский министр вооружений (и будущий премьер-министр) Д. Ллойд-Джордж среди прочих предварительных условий, на основании которых можно было

бы начать переговоры о мире с Германией, назвал и *предоставление Берлину свободы рук по отношению к России*. Не менее показательным выглядит и другой факт – в сентябре 1917 г. П. Пенлеве, только что ставший французским премьер-министром, изъявил желание встретиться в Швейцарии с австро-венгерским министром иностранных дел графом О. Черниным, предложив тому среди прочих условий для обсуждения будущего мира восстановление Польши в границах 1772 г. (sic!) [См. 8, с. 292, 419].

Это отношение союзников к России и ее интересам более чем примечательно и позволяет предположить, какая судьба ожидала представителей что царской, что демократической республиканской России на Версальской мирной конференции, тем более, что даже оказавшись в стане победителей, Россия, отягощенная долгами и серьезнейшими внутренними проблемами, явно находилась бы не в той весовой категории, как, к примеру, САСШ, Великобритания и Франция. Одним словом, предполагать, что чрезвычайно ослабленная в результате войны Россия могла бы рассчитывать на удовлетворение своих требований и выполнение заключенных в ходе войны договоров с британцами и французами, не стоило бы. А вот ожидать того, что за ее счет страны «большой тройки» попытались бы решить свои проблемы – как раз наоборот (и как тут не вспомнить прогноз Дурново). И, что самое печальное, сил для того, чтобы противостоять таким попыткам, у России в 1919 г. не было – программа Маниковского в силу событий, разыгравшихся в 1917 г. (не без участия, кстати говоря, союзников – роль британской дипломатии в подготовке февральского переворота хорошо известна), так и не была ни рассмотрена, ни тем более введена в действие.

Итак, «старый режим» в объявленном «тендере» на модернизацию и на переход от «первой волны» ко «второй», от аграрного технологического уклада к индустриальному проиграл. Еще менее способными выиграть этот конкурс оказались «февралисты», которые сумели менее чем за полгода довести страну до глубочайшего политического и социально-экономического кризиса, когда

власть в буквальном смысле валялась на мостовой. И даже если предположить, что они сумели бы удержать власть, то при тех условиях послевоенного мира, о которых писали Дурново и Маниковский – разве смогли бы князь Львов, Гучков, Милуков, Керенский или кто-либо из генералов или адмиралов, претендовавшие на роль диктатора всея Руси, въехавшего на белом коне в Кремль и установившего новый старый порядок, решить поставленную еще в середине XIX в. задачу? Скорее ослабевшая, расчлененная Россия, изнемогающая под тяжестью внешних долгов и потрясаемая внутренними конфликтами, повторила бы судьбу Китая после Синьхайской революции или Турции, скатившись в длинный перечень третьестепенных государств. При этом совсем не очевидно, что все эти поствоенные и постреволюционные события обошлись бы малой кровью, в особенности если принять во внимание тот социальный конфликт, который разгорался в русской деревне летом-осенью 1917 г. И как бы не было грустно поклонникам «России которую мы потеряли», но «тендер» на модернизацию и на переход от «первой» ко «второй волне» выиграла большевики – малоизвестная и находившаяся еще в начале 1917 г. на обочине российской политической жизни партия.

Не будет большим преувеличением сказать, что и первая пятилетка, и последовавшие за ней вторая и незаконченная третья, и коллективизация, и пресловутая «культурная революция» (которая некоторыми историками, не говоря уже о всякого рода публицистах, журналистах и писателях, оценивается более чем критически) – все эти колоссальные по своим последствиям (и, увы, жертвам) события, по большому счету, были развернутым, расширенным, комплексным, если хотите, ответом большевиков на вызов времени, который был осознан старой властью, но на который она так и не смогла дать адекватный ответ. И Вторая мировая война, в которую теперь уже СССР вступил в 1941 г., ровно через десять лет, о которых говорил Сталин, показала, что новая власть выучила уроки, преподанные Историей, и сдала суровый, если не сказать жестокий, экзамен. СССР не только вернулся в число великих держав, но,

в отличие от той же Великобритании или Франции, стал второй наравне с США, сверхдержавой и удерживал этот статус более 40 лет.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Витте, С. Ю. Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2-3. С. 131-139.
2. Витте, С. Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. 718 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа // Классика геополитики. XIX век. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 275-680.
4. Дурново, П. Н. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 178-199.
5. Корелин, А. П., Степанов, С. А. С. Ю. Витте. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. 464 с.
6. Маниковский, А. А. Из доклада начальника ГАУ А. А. Маниковского военному министру с программой заводского строительства // Военная промышленность России в начале XX века 1900-1917. Сборник документов. М. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/26355> (дата обращения 08.08.2017)
7. Сталин, И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t13/t13_06.htm (дата обращения 08.08.2017)
8. Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914-1918 гг. М.: РОССПЭН, 2017. 677 с.
9. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Изд-во политической литературы, 1961. С. 5-338.

References

1. Witte, S. Yu. Memorandum from Witte to Nicholas II. (in Russ.) *Istoriik-marksist*. № 2-3. 1935. Pp. 131-139.
2. Witte, S. Yu. *Selected Memories*. Moscow: Mysl', 1991. 718 p. (in Russ.)

3. Danilevsky, N. Ya. Russia and Europe. (in Russ.) *Classics of Geopolitics. XIX Century*. Moscow: OOO «Izd-vo AST», 2003. Pp. 275-680.
4. Durnovo, P. N. A Note by Durnovo. (in Russ.) *Krasnaya nov'*. № 6. 1922. Pp. 178-199.
5. Korelin, A. P., Stepanov, S. A. *S. Yu. Witte*. Moscow: TERRA-Knizhny klub, 1998. 464 p. (in Russ.)
6. Manikovsky, A. A. From the Report of the Head of the State Artillery Director A.A. Manikovsky to the Minister of War with the Program of Factory Construction. (in Russ.) *Military Industry of Russia in the Beginning of XX Century 1900-1917. Collection of Documents*. Moscow. 2004. [Online]. URL: <http://istmat.info/node/26355> (date of access: August 8, 2017).
7. Stalin, I. V. *On the Tasks of Business Executives: Speech at the First All-Union Conference of Workers of the Socialist Industry on February 4, 1931*. (in Russ.) [Online]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t13/t13_06.htm (date of access: August 8, 2017).
8. Fisher, F. *Breakthrough for World Domination. The Policy of Military Objectives of Kaiser Germany in 1914-1918*. Moscow: ROSSPEN, 2017. 677 p. (in Russ.)
9. Engels, F. Anti-Dühring (in Russ.). Marks, K., Engels, F. *Works*. Vol. 20. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1961. Pp. 5-338.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права юридического института; кафедра философии и теологии социально-теологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, penskoy@bsu.edu.ru